

А.Ф. Шидловский озаботился изданием рукописи **В.А. Русанова** «Несколько слов о зырянах». Они были знакомы по Архангельску, и А.Ф. Шидловский первым обратил внимание на научную ценность работы известного полярного исследователя. В Сыктывкаре сохранилась его переписка с **Г.А. Старцевым**, бывшим в то время директором Коми областного краеведческого музея. А.Ф. Шидловский выясняет судьбу копии этой работы. В это время готовилась к печати книга материалов В.А. Русанова, и, по-видимому, редакторы обращались к А.Ф. Шидловскому за помощью, ибо не могли найти в архиве Академии наук эту рукопись¹. Сборник трудов В.А. Русанова был издан в 1941 г.

Исследователь умер в Муроме во время Великой Отечественной войны.

В 1910 г. стараниями небольшой группы усть-сысольских краеведов во главе с **А.А. Цембером** было учреждено Устьсысольское отделение АОИРС — первое научно-общественное краеведческое объединение. Кроме того, с АОИРС была связана деятельность ряда лиц, оставивших большой след в изучении традиционной культуры народа коми, таких как **П.А. Сорокин, К.Ф. Жаков, А.В. Журавский, В.В. Бартнев**.

Попытки заниматься исследованием коми предпринимал и Архангельский городской публичный музей. Известно, что он собирал зырянские этнографические коллекции².

Изучение народов коми в Архангельске продолжилось и после революции. Продолжателем дела АОИРС стало Архангельское общество краеведения, образованное в 1923 г.³

¹ *Роцевская Л.П., Сова В.А., Силин В.И.* Библиографическое описание Коми края архангельским губернатором А.Ф. Шидловским // Изв. ОИКК. № 1 (10). Сыктывкар, 2007. С. 47–51. Здесь вкралась неточность: А.Ф. Шидловский занимался коми библиографией тогда, когда уже не был губернатором. Авторы публикации этого письма не смогли датировать его, хотя это возможно сделать: Г.А. Старцев был директором музея в 1935–1936 гг.

² *Ежов Д.К.* Архангельский городской публичный музей // Историч. вестн. 1906. Октябрь. С. 253–255.

³ О деятельности этого научно-краеведческого общества см.: *Дойков Ю.В.* А.А. Евдокимов. Судьба

Из числа публикаций этого общества, касающихся этнографии коми, можно отметить работу Н.Е. Сапрыгина «Промыслы Печорского края», являющуюся результатом исследования, проведенного Архангельским союзом кооперативов еще в 1916 г.⁴

4.3. Изучение народов коми в Казани

В Казани основным центром изучения народов коми были Казанский университет и Общество археологии, истории и этнографии⁵.

В 1869 г. при университете возникло Общество естествоиспытателей. Как гласил его Устав, научная деятельность общества направлена «к исследованию местного края в естественно-историческом отношении и к изучению народонаселения восточной окраины Европейской России в антропологическом и частью в этнографическом отношении»⁶. На основе отдела антропологии и этнографии Общества естествоиспытателей в 1878 г. при Императорском Казанском университете было создано специальное Общество археологии, истории и этнографии

пророка в России. СПб., 1999. С. 99–101; *Попов Ан.* Систематический указатель материалов, напечатанных в изданиях Архангельского общества краеведения за 1923–1928 гг. // Краткий отчет о работе Второго краеведческого съезда в Архангельске. Архангельск, 1928.

⁴ *Сапрыгин Н.Е.* Промыслы Печорского края. Архангельск, 1919.

⁵ Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904): материалы для истории университета / собр. А.Н. Михайловский. Казань, 1901. Ч. 1; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Казань, 1905; *Он же.* Деятельность Императорского Казанского университета. 1805–1906. Опыт краткого биографического словаря профессоров и преподавателей Казанского университета за первые 95-летие его существования. Казань, 1906.

⁶ Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Казанском университете за первое двадцатипятилетие его существования (1869–1894). Казань, 1894.

(ОАИЭ). Толчком его основанию прослужил IV Археологический съезд, который проходил в Казани. Именно в это время возникла идея об интенсификации местных разрозненных исторических исследований определенной координационной организацией¹. Своей основной целью оно ставило задачу «изучения прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского царств, с принадлежащим к ней местностям». Кроме того, общество «отыскивало и приводило в известность собранные уже сведения и материалы археологии, истории и этнографии, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки»². В Уставе оговаривалось, что оно само «проводит ученые исследования для собирания новых сведений или для проверки и пополнения тех, которые уже имеются, устраивая для этого экскурсии и выставки». Так постепенно сложились основные сферы деятельности этого общества: археология, история, этнография, география, охрана Болгарских строений. Общество имело три отделения: археологическое, историческое, этнографическое. Кроме того, при обществе

существовала специальная Комиссия по составлению археологической и этнографической карты. После организации общества возник вопрос о создании при нем публичного историко-этнографического музея. С этой инициативой выступил профессор В.М. Флоринский³. Позднее музей был создан и назван Музеем древностей и этнографии.

В результате претворения в жизнь указанных задач в поле зрения общества, кроме татар, башкир, чувашей, мордвы, марийцев, удмурт, оказались коми, в первую очередь коми-пермяки. В своей деятельности ОАИЭ стремилось объединить и координировать усилия профессиональных ученых и краеведов, занимающихся изучением истории, археологии и этнографии Волго-Уральского региона, Сибири и Средней Азии. При обществе действовали Музей археологии, нумизматический кабинет, библиотека, а также издавались «Известия ОАИЭ»⁴. Позднее, при его поддержке был основан Казанский научно-промышленный музей. Как и многие краеведческие организации, ОАИЭ было закрыто в 1931 г. в ходе «социалистического переустройства краеведения в СССР».

Первым председателем общества был избран **П.Д. Шестаков**, в то время попечитель Казанского учебного округа. Членами ОАИЭ были **Н.А. Фирсов**, **Н.И. Смирнов**, И.А. Бодуэн де Куртенэ, П.А. Осокин и другие известные деятели русской науки и культуры. С обществом тесно сотрудничали такие крупные ученые, как Е.А. Малов, В.В. Радлов, М.П. Веске, С.К. Кузнецов, А.А. Штукенберг, А.А. Спицын, Н.Ф. Катанов и др.

¹ Годичный отчет о состоянии деятельности Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1878 г. // Изв. ОАИЭ. Казань, 1879. Т. 2. С. 10–11.

² Устав Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете // Изв. ОАИЭ. 1878. Т. 1. С. 7–14; *Шпилевский С.М.* О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и возможностях содействия со стороны жителей местного края // Изв. ОАИЭ. Т. 3. 1880–1882. С. 3–32; *Катанов Н.Ф.* Обзор деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии за тридцать лет // Изв. ОАИЭ, 1908. Т. 24. Вып. 3. С. 238–246; *Ильинский Л.К.* Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. 1929. № 9; *Зорина Л.И.* Уральское общества любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Учен. зап. Сverdлов. обл. краевед. музея. Екатеринбург, 1996. Т. 1; История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при казанском университете. Казань, 2005.

³ *Флоринский В.М.* Проект публичного историко-этнографического музея // Изв. ОАИЭ. 1878. Т. 1. С. 126–140.

⁴ Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1878–1917. 29 т.; *Альфонсов И.В.* Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1878–1905 гг. (Т. 1–21) // Изв. ОАИЭ. 1906. Т. 21. Ч. 2, 4, 5; То же. Казань, 1906; *Воробьев Н.И.* Указатель к «Известиям Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете за 1906–1927 гг. (Т. 22–33). Казань, 1928.

Николай Алексеевич Фирсов (1831–1896) — русский историк, педагог, автор трудов по положению инородцев в России¹. Родился 27 октября 1831 г. в г. Перми в семье местного священнослужителя. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1850–1855 гг. учился на историко-филологическом факультете Главного педагогического института в Петербурге, где его соучеником был Н.А. Добролюбов. С 1855 г. преподавал в Пермской мужской гимназии, куда был назначен старшим учителем истории. В родном городе началась его публицистическая деятельность: он опубликовал статью, посвященную женскому образованию в Перми. В 1858 г. становится помощником *Д.Д. Смышляева* по подготовке и изданию «Пермского сборника», был одним из ближайших его друзей. Д.Д. Смышляев в объявлении об издании этого сборника писал, что материалы присылать или на его имя, или на имя старшего учителя гимназии Н.А. Фирсова².

В сентябре 1859 г. был назначен сверхштатным учителем в Первую казанскую гимназию преподавателем русской словесности и прикомандирован к Казанскому университету для преподавания всеобщей истории. В 1861 г., после удаления из университета А.Н. Щапова, ему на время было поручено преподавание русской истории в этом учебном заведении. С 1862 г. он числился преподавателем Императорского Казанского университета, но в должности до получения магистерского звания утвержден не был. Это произошло лишь в 1867 г. Здесь он начал разработку «инородческого вопроса», представленного им в 1866 г. в качестве магистерской

¹ *Дмитриев А.* Памяти Н.А. Фирсова // Пермские ГВ. 1896. 2 мая.; Фирсов Н.А. [Некролог] // Исторический вестн. 1896. Июль. С. 1054; Фирсов Н.А. // Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета (1804–1904). Казань, 1904. Ч. 1. С. 214–218.

² *Аверина Н.Ф.* Провинциальный шедевр и его создатель. К 150-летию «Пермского Сборника» // Смышляевский сборник. Исследования и материалы по истории и культуре Перми. Вып. I / Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893): Библиографический указатель. Пермь. 2009. С. 190–211.

диссертации по русской истории под названием «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве»³.

Работа Н.А. Фирсова в отечественной историографии была первым опытом рассмотрения как самого процесса, так и сущности и целей русской колонизации Европейского Северо-Востока, Поволжья и Зауралья и ее влияния на положение аборигенного населения этих регионов. Автор считал, что колонизация была положительным фактором в жизни этих народов. Он одним из первых в России рассматривал социально-экономические последствия этого явления для населения региона⁴. Кроме того, в его книге дается обзор положения финно-угорских и других народов перед вхождением их в состав Московского государства, четко определены границы средневековых государственных объединений в Приуралье. Например, Н.А. Фирсов пишет о Биармии, поднимает чудскую проблему, рассматривает локализацию Перми Великой и Югорской Земли. Приводит документы о миграции коми-зырянского населения в Сибирь, объясняя ее в первую очередь климатическими причинами. Не лишена информативности и вторая его крупная работа — «Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время», представленная в качестве докторской диссертации⁵. В ней он, как и в первой монографии, отмечает прогрессивный, просветительный характер колониционной политики Московского государства, проводимой мирными способами. Кроме того, данная книга интересна с точки зрения изучения распространения православия в Поволжско-Уральском регионе, ибо она была написана светским ученым, который впервые предпринял попытку периодизации этого про-

³ *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.

⁴ *Ермолаев И.П.* Н.А. Фирсов как историк местного края // Вопросы истории, филологии и педагогики. Казань, 1967. Вып. 2. С. 59.

⁵ *Фирсов Н.А.* Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация Закамских земель в это время. Казань, 1869.

цесса; одновременно рассматриваются формы и методы деятельности церкви и государства вплоть до середины XVIII в.

С 1869 г. Н.А. Фирсов — экстраординарный, с 1870 г. — ординарный профессор русской истории Казанского университета. В 1871–1872 гг. — декан историко-филологического факультета, в 1872–1875 и 1881–1884 гг. — проректор университета. После выслуги лет в 1880 г. был оставлен на службе в университете, с 1886 г. — заслуженный профессор. Член ряда научных обществ, в том числе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, председателем которого он являлся в 1888–1896 гг., некоторое время состоял в Пермской ученой архивной комиссии.

Среди исследователей, занимавшихся проблемами культуры народов коми в Казани, следует назвать *Петра Дмитриевича Шестакова* (1826–1889) — именитого русского историка, писателя, педагога, организатора образования¹.

Он родился в семье приходского священника в Масальском уезде Калужской губ. Оставшегося сиротой мальчика воспитал дядя, служащий Тверской казенной палаты. Окончив Тверское уездное училище, он продолжил образование в Тверской гимназии. В 1846 г. П.Д. Шестаков окончил историко-филологический факультет Московского университета и был определен преподавателем греческого языка Смоленской гимназии, но через год перевелся в родную Тверскую гимназию. С 1849 г. — преподаватель русской словесности 4-й московской гимназии, директором которой он стал в 1855 г. Некоторое

время состоял инспектором студентов Московского университета. В 1855–1860 гг. — инспектор народных училищ Смоленской губернии. Здесь начинается его научная деятельность, результатом которой стали статьи по истории и географии губернии. Как проявивший блестящие организаторские способности, П.Д. Шестаков в 1863 г. был назначен сначала помощником, а в 1865 г. — попечителем Казанского учебного округа, в этой должности он прослужил до 1883 г., дослужившись до чина тайного советника. К этому моменту он уже был известен как серьезный организатор учебного процесса. Как ученый, он публиковал работы по истории педагогики, пропагандировал в российских условиях методики Песталоцци и Яна Коменского². Одновременно принимал активное участие в обсуждении и разработке реформы народного образования. П.Д. Шестаков был яростным сторонником классической гимназической системы образования.

Как один из высокопоставленных чиновников Министерства народного просвещения, он жестко претворял в жизнь основную идеологическую парадигму того времени — уваровскую триаду «Православие — Самодержавие — Народность»³. Будучи ее убежденным сторонником, он опубликовал ряд сочинений, направленных на обоснование этих положений⁴. Современники считали его реакционером, потому что он был сторонником соблюдения достаточно жесткого университетского Устава 1863 г., ограничивающего права студентов. В 1871 г. 9 преподавателей Казанского университета публично подали в отставку в знак протеста против деятельности П.Д. Шестакова — увольнением из университета по

¹ Агафонов Н.Я. Памяти П.Д. Шестакова // Казанский биржевой листок. 1889. № 258; Петр Дмитриевич Шестаков [1826–1889. Некролог] // Учен. зап. Казан. ун-та. 1889. Т. 6. Вып. 6; Фирсов Н.Н. Памяти П.Д. Шестакова Мысли его об общественном воспитании в России. Казань // Изв. ОАИЭ. Т. 9. 1891. Вып. 1. С. 1–20; Рождествин А.С. Петр Дмитриевич Шестаков. Очерк жизни и педагогической деятельности. С портретом, автографом и полным библиографическим указателем сочинений. Казань, 1907; Аксенов М. Петр Дмитриевич Шестаков, замечательный педагог-гражданин второй половины XIX века. Смоленск, 1910.

² Шестаков П.Д. Песталоцци. Его жизнь и деятельность. М., 1864.

³ О деятельности С.С. Уварова см.: Виттейкер Ц.К. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999; Зорин А.Л. Теория официальной народности и ее немецкие источники // В раздумьях о России. XIX век. М., 1997. С. 112–148.

⁴ Шестаков П.Д. Мысли о воспитании в духе православия и народности. Казань, 1893; 2-е изд. Казань, 1897.

его представлению известного русского анатома П.Ф. Лесгафта, который в это время выступал за то, чтобы разрешить женщинам обучаться в университете. В то же время он ратовал за увеличение учебной нагрузки и привлечение студентов к научной работе, считая, что «занятия, развивающие ум, отдаляют университетских слушателей от мыслей и предприятий праздных, распространенных в последнее время»¹.

Возглавляя учебный округ, в состав которого входила огромная территория, населенная многими народами, он был вынужден учитывать этнический фактор. П.Д. Шестаков полагал, что следует идти на тактические уступки общественным деятелям с целью сохранения существующей системы государственного правления и православия. Поэтому он неоднократно подымал вопрос об открытии образовательных учреждений для инородцев: специальных школ, учительских семинарий. Именно П.Д. Шестаков поддержал Н.И. Ильминского, известного арабиста и тюрколога, ученого, который начал свою просветительскую деятельность у татар в Казани, разрешив открытие в 1863 г. в этом городе Татарской школы. Практическая деятельность Н.И. Ильминского через некоторое время вылилась в целую систему просвещения «инородцев». В основе его концепции — использование национального, «инородческого» языка на первых этапах начального образования, с постепенным переходом на русский². Н.И. Ильминский ратовал также за перевод русских книг, в том числе религиозного содержания, на национальные языки, считая важным их использование в учебном процессе³.

¹ Об этой истории см.: *Астафьев В.В.* Меж двух университетских уставов: 1863–1883 гг. // *Очерки истории Казанского университета.* Казань, 2002. С. 84–85.

² *Зеленин Д.К.* Н.И. Ильминский и просвещение инородцев // *Русская школа.* № 12. С. 175–194; *Спаский Н.А.* Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. Самара, 1900.

³ *Ильминский Н.И.* Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык // *Православное обозрение.* 1863. № 3; *Он же.* Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческие языки // *Православное обозрение.* 1870.

Например, с ним состоял в переписке по вопросам перевода педагогической литературы на коми язык *Г.С. Лыткин.*

Во время службы П.Д. Шестакова в Казани исследования по изучению местного края интенсифицировались. Например, в 1878 г. появилось Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, которое объединило усилия университетской профессуры и местных краеведов. С момента основания общества вплоть до 1883 г. он был его бессменным председателем, а после отставки состоял почетным членом. П.Д. Шестаков как ученый интересовался в первую очередь вопросами распространения православия у народов России. Ему принадлежат статьи и книги, раскрывающие вопросы истории, археологии и этнографии Европейского Северо-Востока. В 1868 г. выходит работа, посвященная просветителям лопарей (саамов) Феодориту и Трифону Печенгскому, а позднее — Трифону Вятскому⁴. В этом ряду можно назвать и статьи, посвященные *Стефану Пермскому* и древнекоми языку⁵. Его исследования о Стефане были спровоцированы в первую очередь отмечавшимся в те годы 500-летием начала проповеди Стефана Пермского среди предков современных коми. П.Ф. Лимеров считает его первым ученым, обратившимся к жизни святителя и расшифровавшим со-

⁴ *Шестаков П.Д.* Просветители лопарей, архимандрит Феодорит и св. Трифон Печенгский // *ЖМНП.* 1868. Ч. 139. Июль. С. 242–296; *Он же.* Житие преподобного отца нашего Трифона, вятского чудотворца. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1868; *Он же.* Некоторые сведения по распространению христианства у калмыков // *ЖМНП.* 1869. Ч. 145; *Он же.* Житие Трифона Вятского / изд. П.Д. Шестаковым. Казань, 1881.

⁵ *Шестаков П.Д.* Св. Стефан, первосвятитель Пермский // *Учен. зап. Казан. ун-та.* 1868. Т. 4. С. 21–110; *Он же.* Чтение древнейшей зырянской надписи, единственно сохранившегося до сего времени памятника времен св. Стефана Великопермского // *ЖМНП.* 1871. Т. 153. № 1. Отд. II. С. 29–46; То же // *Вологодские Ев.* 1871. № 15. С. 556–567; *Он же.* Где книги, писанные зырянской и пермской азбукою, составленной Стефаном Великопермским.

хранившиеся древнекоми тексты¹. Но я не согласен с таким мнением. Первую попытку расшифровки предпринял **П.И. Савваитов** в 1850 г., т.е. на 18 лет раньше. Используя имеющиеся к этому моменту переводы древнепермских надписей, опубликованные А. Флеровым, П.И. Савваитовым, П.Д. Шестаков предложил свой вариант, уточняющий их прочтение. Для этого он использовал открытую в Казани, в соборной Соловецкого монастыря, подпись епископа Пермского Филофея 1473 г. на этом уже забытом языке, а также рукописный список пермского алфавита². Уточненная им надпись на иконе т.н. «Зырянской Троицы» была благосклонно принята коллегами, в первую очередь П.И. Савваитовым.

Наибольший вклад в изучение народов коми в Казани внес профессор Казанского университета, известный историк-славист и финно-угровед, яркий представитель Казанской исторической школы **Иван Николаевич Смирнов** (1856–1904). Он родился в Царевококшайском у. Казанской губ. в семье священника. Будучи выходцем из этой среды, после окончания духовного училища поступил в Казанскую духовную семинарию, но не стал священнослужителем. В 1874 г. И.Н. Смирнов определяется на историко-филологический факультет Казанского университета, который заканчивает в 1878 г. с золотой медалью и был оставлен для подготовки к профессорскому званию³. В 1881 г. защищает магистерскую, а в 1885 г. — докторскую диссертации. В это время область его научных интересов — история южных славян⁴. С 1881 г. И.Н. Смирнов

приват-доцент, с 1884 г. — экстраординарный, а с 1886 г. — ординарный профессор по кафедре всеобщей истории Казанского университета. Состоял членом ОАИЭ. В 1893 г. вошел в состав общества и в разные годы выполнял обязанности ее секретаря и библиотекаря⁵. Выступал с докладами на заседаниях общества. Занимался составлением программ проведения этнографических исследований, которые представляют интерес как методические пособия и в настоящее время⁶. Был членом Пермской ученой архивной комиссии. В 1902 г. по предложению Н.Ф. Катанова избран почетным членом ОАИЭ «*во внимание его трудов по истории и этнографии Восточной России*»⁷.

Его научные интересы были разнообразными⁸. Превосходная университетская школа (его учителями были такие видные казанские историки, как Н.А. Осокин, **Н.А. Фирсов**, Д.А. Корсаков), научная эрудиция, знание славянских и западных языков обеспечили ученому большой исследовательский успех. Выступал с пропагандой этнографии как науки, пытаясь заинтересовать этнографическими исследованиями в первую очередь местных краеведов.

Особо хотелось бы остановиться на его публичной лекции «Задачи и значение местной этнографии», прочитанной им 6 и 12 апреля 1891 г. в пользу ОАИЭ в Казани и изданной

⁵ Отчет Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете за 1893 г. // Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 3. С. 53–56.

⁶ *Смирнов И.Н.* Программа для собирания сведений о быте мордвы // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 6. С. 650–660; *Он же.* Программа для собирания сведений об обрусении инородцев Восточной России // Изв. ОАИЭ. 1892. Т. 10. Вып. 5. С. 548–551.

⁷ *Катанов Н.Ф.* Об избрании профессора И.Н. Смирнова почетным членом Общества во внимание его трудов по истории и этнографии Восточной России // Протоколы Общего собрания ОАИЭ за 1902 г. (Изв. ОАИЭ. 1903. Т. 19. Вып. 2. С. 17–18).

⁸ Наиболее полную библиографию работ И.Н. Смирнова, составленную А. Ксенофонтовой, см.: *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. С. 289–295

¹ *Лимеров П.Ф.* Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М., 2008. С. 5–6.

² *Обрезкова А.П.* Материалы о Стефане Пермском в Соловецком фонде библиотеки Казанского университета // Стефан Пермский и современность. Сыктывкар, 1996. С. 21–22.

³ *Ивановская Н.И.* Казанские исследователи истории Волго-Камского региона В.И. Заусайлов и И.Н. Смирнов // Материалы по этнографии. СПб., 2004. Т. 2: Народы Прибалтики, Северо-Запада, Среднего Поволжья и Приуралья. С. 29.

⁴ *Петровский Н.* О трудах И.Н. Смирнова по славистике // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 40–47.

отдельной брошюрой¹. Одним из первых в русской этнографии он попытался дать определение понятию «местная этнография» и поставить задачи изучения местного края. Эта лекция крайне важна для понятия его методологии. Так, он говорит о материале этнографии, который рассматривается автором как все, в чем выражается творческая деятельность народа, чем он окружал себя в своем домашнем быту, в чем выразил свои понятия о правде, воззрения на мир, горе и радости. Далее он отмечает, что в России до эпохи освобождения крестьян внимание исследователей было поглощено верованиями и поэзией, а после этого — изучением обычного права и, в частности общины.

В этих областях накоплен громадный материал. А теперь, по мнению И.Н. Смирнова, следовало обратить внимание и на другие стороны народного быта. В частности, крайне слабо изучено народное жилище, как русское, так и инородческое, в отличие от финской и немецкой этнографии. Он отмечает крайне важное значение для выявления этнической истории народа одежды, бытовой утвари, народной терминологии и т.д.

Подробно останавливается он на т.н. «теории пережитков», которая крайне важна для этнографии. Задачей же местной этнографии он считает «новый запас тщательно и добросовестно сделанных наблюдений. Но этот материал должен собираться систематически, как собирает ученый ботаник гербарий». Чтобы выполнить эту задачу, по мнению ученого, необходимо создать круг активных наблюдателей.

Занимался историей русской этнографии, публиковал обзоры по русским и зарубежным музеям и научным обществам². Был автором

¹ Смирнов И.Н. Задачи и значение местной этнографии. Казань, 1891.

² Можно указать следующие его работы: Смирнов И.Н. Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1892 г. // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 1. С. 83–88; Он же. Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1893 г. // Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 1. С. 80–89; Он же. Итоги археологии, истории и этнографии Восточной Европы за 1894 г. //

нескольких рецензий, в частности, на издания Финно-угорского общества в Гельсингфорсе и местные. И.Н. Смирнова занимали вопросы этнокультурных процессов в Поволжье, которые он обычно расценивал как «обрусение инородцев». Так, в заметке «Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края» исследователь обратил внимание на появление в фольклоре удмуртов и мордвы сюжетов из русских народных сказок и песен. Он отмечает, что обрусение происходит в сфере не только экономики (появление бурлачества у удмуртов), но и духовного наследия народа. Ученый призывает серьезно заняться изучением этого процесса, определением источника проникновения разных персонажей в фольклор поволжских финно-угров³. В статье «Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики» он исходит из того, что этот процесс «*есть несомненный и естественный результат истории.*». Средства, которыми правительство успешно может пользоваться для достижения этой цели, по мнению ученого, уже показаны историей. Это русская колонизация и школа со смешанным языком преподавания. Правительство должно регулировать направление колонизационных потоков и устранять моменты, которые озлобляют «инородцев» (притеснения чиновников и эксплуатация торговцев и т.д.)⁴.

Занимал ученого и вопрос о роли финно-угров в происхождении русской народности⁵. Интерес к этнографии финно-угров у И.Н. Смирнова не был простой случайностью. Он родился в марийской семье и с дет-

Изв. ОАИЭ. 1894. Т. 12. Вып. 6. С. 613–632; Он же. Урало-алтайский мир в русской археологической, исторической и этнографической литературе // Keleti Szemle. 1900. Ev. 1. S. 61–66.

³ Смирнов И.Н. Несколько слов о русском влиянии на инородцев Казанского края // Изв. ОАИЭ. 1895. Т. 6. Вып. 1. С. 59–63.

⁴ Смирнов И.Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Историч. вестн. 1892. № 3. С. 753–765; Отклик на эту статью см.: Московские ведомости. 1892. № 66.

⁵ Смирнов И.Н. Значение урало-алтайского мира в образовании и истории русской народности // Вестник и библиотека самообразования. 1903. № 35–36.

ства знал марийский язык и традиционную культуру этого народа. Кроме того, на него большое влияние оказал профессор М.П. Веске, переведенный в Казань из Дерптского (ныне Тартуского) университета для преподавания финно-угорских языков. Благодаря деятельности филолога М.П. Веске и историка и этнографа И.Н. Смирнова Казань в конце XIX в. стала центром русского финно-угроведения.

Наиболее известные работы И.Н. Смирнова — цикл его книг по восточным финнам: удмуртам, мордве, марийцам и коми-пермякам¹. Монографии были написаны на основе экспедиций, начавшихся летом 1888 г., когда он с М.П. Веске объехал Казанскую, Нижегородскую, Костромскую, Уфимскую и Пермскую губ. Исследования продолжались до 1891 г. В них он предпринял попытку обобщить весь историко-этнографический материал о каждом народе: дать историографический обзор, источниковедческую базу, а затем описание традиционной культуры этого народа. При подготовке серии монографий им руководила мысль, что *«необходимо готовить активных наблюдателей, которые бы приступили к изучению инородческой жизни с заранее и самостоятельно поставленными вопросами, для чего и нужен свод всего, что известно об инородцах, нужно научно скомбинировать известные данные факты»*. В одной из статей он подчеркивал, что *«задача русских ученых — обработать, пользуясь приемами европейской научной техники это драгоценное сырье (под которым И.Н. Смирнов понимал свод культурно-исторических данных в области быта финских племен. — А.Т.) и не допустить того позорного дня, когда в русских архивах и библиотеках будут копаться, разыскивая это сырье, овладевшие старым и но-*

*вым русским литературным языком англичане, немцы, французы»*².

Монографии вызвали большой интерес у отечественной научной общественности³. В 1898 г. он был удостоен Уваровской премии Академии наук. Отзывы о работах И.Н. Смирнова писали Д.Н. Анучин и Э.Н. Сетеля (Setälä E.N)⁴. Например, Э.Н. Сетеля, характеризуя труды И.Н. Смирнова как выдающиеся, в то же время отмечает некорректное с точки зрения лингвистики сопоставление некоторых слов и терминов. Слабым звеном методологии этнографических изысканий И.Н. Смирнова С.К. Кузнецов назвал проводимые им лингвистические параллели. Таким образом, И.Н. Смирнов активно способствовал развитию и становлению финно-угроведения как науки в России. Позднее за свои труды И.Н. Смирнов был удостоен малой золотой медали Русского географического общества. Мы сегодня можем лишь присоединиться к словам С.К. Кузнецова, который в некрологе на смерть ученого написал, что за *«этими монографиями покойного еще надолго, наверное, останется значение справочных пособий, без которых исследователю этнографу нельзя будет обойтись, как без систематического свода всех (или почти всех) литературных данных о наших инородцах»*. Аналогичного мнения о работах И.Н. Смирнова придерживался Н. Харузин, который отмечал, что *«этнографическая литература, благодаря труду г. Смирнова обогатилась крупным вкладом: он послужит исходной точкой для дальнейших изысканий, цель которых будет заключаться в дополнении сведений почтенного автора и в выяснении и разработке во-*

² Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры // ЭО. 1891. № 1. С. 60.

³ См., например: Ламанский В.И. О трудах И.Н. Смирнова // Отчет ИРГО за 1895 год. СПб., 1896. С. 26–28; Катанов Н.Ф. О трудах И.Н. Смирнова по этнографии инородцев Восточной России // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 48–51.

⁴ Отчет о 38-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1898. С. 37–43, 45–77; Setälä E.N. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen. // JSFOu. 1900. Vol. 7; Wichmann Y.J. I.N. Smirnow's Untersuchungen über die Ostfinnen // FUF. 1901. Bd. 1. Heft 2.

¹ Смирнов И.Н. Черемисы (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 7. С. 1–212; Он же. Вотьяки (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 8. С. 1–308; Он же. Пермьяки // Изв. ОАИЭ. Т. 9. Вып. 2. С. 1–189; Он же. Мордва (Историко-этнографический очерк) // Изв. ОАИЭ. Т. 10. Вып. 1. С. 65–79; Вып. 2. С. 161–194; Вып. 3. С. 300–322; Вып. 5. С. 599–642; Т. 11. Вып. 5. С. 426–477; Вып. 6. С. 426–477.

просов, только намеченных или недостаточно им освещенных»¹.

Рассматривая методы его работы, С.К. Кузнецов отмечал, что «И.Н. Смирнов обладал способностью быстро ориентироваться в кругу ясных вопросов, быстро схватывать характерные черты и синтезировать их»². Он указывал, что методологически ему была близка социологическая методология Э. Тейлора и Г. Спенсера. Как исследователь, И.Н. Смирнов на первый план выдвигал систематизацию обширного материала, собранного его предшественниками. Его очерки обычно содержали подробный историографический обзор, анализ литературных источников. Как сторонник эволюционизма он на основе сравнительно-исторического метода давал описание и проводил анализ традиционной культуры восточных финно-угров, пытаясь рассмотреть эволюцию отдельных элементов материальной и духовной культуры от простого к сложному, особенно при описании верований и семейно-брачных отношений. Как сторонник идей Г. Спенсера и Э. Тейлора (а И.Н. Смирнов познакомился с последним в Казани в 1889 г.), казанский ученый придерживался теории «коммунального брака» у древних финно-угров и поэтому занимался поиском его пережитков у этих народов. Основные представления о развитии семейно-брачных отношений у финно-угров даны в разделе «Матриархат» в статье «Наброски из истории финской культуры»³.

Как крупнейший специалист по этнографии народов Поволжья И.Н. Смирнов был приглашен в качестве научного ответственного эксперта по т.н. «мултанскому делу». Суть этого процесса, проходившего в 1892–1896 гг., заключалась в том, что семеро вотяков (удмуртов) обвинялись в убийстве русского старика-нищего с целью «жертво-

приношения своим языческим богам»⁴. Исследователь попытался, оперируя данными удмуртского и финно-угорского фольклора и исходя из эволюционной теории, доказать возможность существования в далеком прошлом у удмуртов (вотяков) человеческих жертвоприношений⁵. Он исходил из того, что жертвоприношения, в том числе и человеческие, были широко распространены у многих народов как в прошлом, так и в XIX в. Считалось, что по мере развития человечество постепенно перешло от кровавого обычая к более простым, заменяя в этом действе человека домашними животными. Несмотря на то, что удмурты формально были православными, в большинстве своем они оставались язычниками и совершали во время молений жертвоприношения богам в виде различных домашних животных и птицы. Кстати, подобные обычаи сохранились у удмуртов до наших дней. Именно эволюционная линия лежала в основе рассуждений И.Н. Смирнова. Об этой проблеме он написал и в другой работе — «Наброски из истории финской культуры», где целый раздел посвящен каннибализму. Здесь ученый приводит новые примеры из фольклора саамов, эстонцев, коми-пермяков и остяков (манси), а также свидетельства из «Пермской летописи» **Н.В. Шишонко** и других публикаций⁶. И.Н. Смирнов обращается к научному сообществу с просьбой более серьезно отнестись к изучению «*поэзии финно-угров, в которых слышатся мотивы каннибализма — фигурируют людоеды-покойники, людоеды-духи, людоеды-мстители*». Также

¹ Н. Х. [Харузин Н.] И.Н. Смирнов. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань. 1895 // ЭО. 1896. № 1. С. 160.

² Кузнецов С.К. И.Н. Смирнов (умер 15 мая 1904 г. в Казани) // ЭО. 1904. № 2. С. 214–216.

³ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры // ЭО. 1891. Вып. 2. С. 66–72.

⁴ Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам / сост. А.Н. Баранов, В.Г. Короленко, В.И. Суходев. М., 1896; Луппов П.Н. Громкое дело мултанских удмуртов (удмуртов), обвинявшихся в человеческом жертвоприношении. Ижевск, 1925; Худяков М.Г. Политическое значение мултанского дела и его отголоски в настоящее время // СЭ. 1932. № 1. С. 43–62; Шатеништейн Л. Мултанское дело (1892–1896). Ижевск, 1960.

⁵ Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядах поволжских финнов. Казань, 1889.

⁶ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры... С. 61–66.

он отмечает, что с этим не могут согласиться скептики, «недолюбливающие этнографических реставраций»¹.

Данная авторская позиция вызвала критику со стороны российских и зарубежных исследователей². Кстати, в небольшой заметке крупнейший финский языковед и этнограф **Ю. Вихман** высказался двойственно относительно этой проблемы. С одной стороны, он выступил против И.Н. Смирнова. А с другой стороны, исходя из анализа некоторых фольклорных и обрядовых материалов, зафиксированных им у различных финно-угорских народов, в том числе и у удмуртов, он делает тот же вывод, что и И.Н. Смирнов: сегодня не существуют обряды человеческих жертвоприношений у поволжских финнов, но в прошлом они могли иметь место. Он, как и казанский ученый, предлагает внимательно рассмотреть фольклор других финно-угорских народов, в которых «найдутся, может быть, верные доказательства»³.

Точку зрения казанского профессора подержал известный вятский краевед, крупнейший знаток этнографии удмуртов **Н.Н. Блинов**, который также допускал возможность существования таких ритуальных действий в прошлом. Против мнений И.Н. Смирнова и Н.Н. Блинова аргументировано выступил другой вятский краевед, этнограф и историк П.Н. Луппов. В это время он был студентом Московской духовной академии и писал кандидатское сочинение о христианизации вотя-

ков. На основе собственных материалов он опубликовал в газете «Вятский край» большую статью «Приносились ли вотяками человеческие жертвы в XVIII веке», где отрицал существование человеческих жертвоприношений у вотяков. Также отрицательно отнесся к построениям И.Н. Смирнова П. Богаевский⁴. П. Богаевский занимался изучением традиционной культуры удмуртов. Но при знакомстве с его книгой возникает несколько вопросов. Например, он пишет, что «загадочное дело мултанских вотяков есть грубая подделка под ритуал вотяцкого жертвоприношения»⁵. Кроме того, в своей рецензии на его сочинение М. Довнар-Запольский отмечал, что П. Богаевский доказывает отсутствие достоверных данных о существовании человеческих жертвоприношений у вотяков и что в убийстве Матюшина не соблюдены те стороны ритуала, в которых можно было бы увидеть принесение жертвы⁶. Высказывания оппонентов И.Н. Смирнова о несоблюдении ритуала позволяют поставить вопрос: что они имели в виду, о каком ритуале и у какого народа. Именно это обстоятельство позволяло советской этнографической историографии вплоть до недавнего времени относить И.Н. Смирнова к категории реакционных ученых⁷.

После третьего процесса удмуртские крестьяне были оправданы. Вслед за эти «мултанским» процессом И.Н. Смирнов фактически отходит от финно-угорской этнографии и вновь обращается к истории южных славян.

В числе публикаций И.Н. Смирнова были и сочинения о коми-пермяках. Это статья об их семейном быте и большая монография

¹ Смирнов И.Н. Наброски из истории финской культуры... С. 62.

² Об этом см.: Власова З.И. Этнографическая деятельность В.Г. Короленко и ее общественное значение // Очерки истории русской этнографии, фольклора и антропологии. Вып. 4 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 94. С. 26–60); Вихман Г. Следы человеческих жертвоприношений у вотяков (По поводу труда проф. И.Н. Смирнова о человеческих жертвоприношениях у вотяков и других народов) // Изв. ОАИЭ. 1893. Т. 11. Вып. 3. С. 291–293; Короленко В.Г. Избранные письма о Мултанском деле. Ижевск, 1939. Более подробную библиографию о деле и об отзывах на процесс см.: Удмурты. История, этнография, археология. (Библиографический указатель. 1751–2000). Ижевск, 2006. С. 88–94.

³ Вихман Г. Следы... С. 293.

⁴ Богаевский П. Мултанское «моление» вотяков в свете этнографических данных. М., 1896.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Довнар-Запольский М. П. Богаевский. Мултанское «моление» в свете этнографических данных. М., 1896.

⁷ См., например: Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск, 1993. С. 126.

«Пермяки»¹. В этом сочинении он активно использует разнообразные материалы пермских и екатеринбургских краеведов, затрагивавших проблемы традиционной культуры коми-пермяков. Среди его предшественников на этом поприще можно назвать **Н.С. Попова**, Хлопина, В. Хлопова, **Н. Рогова** и т.д. Один из рецензентов этой книги, скрывшийся под псевдонимом М., пишет, что «новый труд известного историка-этнографа отличается теми же достоинствами, которые мы привыкли видеть в его раньше появившихся монографиях о наших инородцах: тщательной разработкой обильного, иногда нового материала, систематичностью и ясностью изложения»². В первой главе Н.И. Смирнов дает критическую оценку более 60 сочинениям, в которых можно найти сведения о коми-пермяках, начиная от скандинавских саг до последних по времени написания книг и журнальных статей. Например, он считает, что биармы, биармийцы не являлись коми-зырянами и коми-пермяками, а были представителями западно-финских племен. В этом очерке он защищает **Епифания Премудрого** от критики митрополита **Евгения (Болховитинова)** и академика **А.И. Шегрена**, которые видели в житии скорее риторические рассуждения, чем исторический источник.

Как и в других книгах о восточных финнах, для решения этногенетических проблем и выявления этнической принадлежности археологических памятников Приуралья и Поволжья И.Н. Смирнов активно использует ономастический метод **А.И. Шегрена**, анализируя в первую очередь топонимистические данные. Он прямо указывает на то, что «исследования Шегрена имеют право на исключительное внимание при решении вопроса о пределах древней Биармии и ее исто границах древней территории народа Коми. Шегрен выдвинул ряд новых данных, которыми может пользоваться исто-

рик при исследовании этого предмета. Этими источниками являются местные названия, личные имена (прозвания), народные предания, особенности русского говора страны»³. Признавая, что труды А.И. Шегрена имеют большое научное значение, Н.И. Смирнов активно критикует основателя этого метода, отмечая его субъективизм, а также и **М.А. Кастрена** и Д. Европеуса, которые строили свои гипотезы происхождения финно-угорских народов лишь на основании топонимического и антропонимического материала. Например, И.Н. Смирнов не согласен с гипотезой А.И. Шегрена о первоначальном совпадении границ страны Коми и Биармии скандинавов⁴. Одновременно он не воспринимает и угорскую теорию Д. Европеуса. Отмечая наличие на значительной территории Европейского Севера нескольких коми топонимистических формантов, таких как *-ва*, *-шор*, *-йоль*, *-ю*, *-вож*, *-дор*, *-дин*, он расширяет территорию расселения предков современных коми. Это слабая сторона его теоретических построений, ибо анализ топонимов, основанный лишь на одной части названия, не всегда дает правильный результат. И.Н. Смирнов приравнивает к коми форманту *-ва* похожий на него *-ма*, предлагая относить последний к пермским языкам, например, в названиях рек Протва и Клязьма, которые невозможно объяснить без натяжек из восточно-финских языков⁵. Именно эту неточность в его лингвистических рассуждениях отмечали критики, о чем уже было сказано выше.

Книга И.Н. Смирнова долгое время была единственной монографией, ценнейшим сводом фактического материала, представлявшим весь спектр традиционной культуры коми-пермяков. Она как своеобразная этнографическая энциклопедия не утратила своего значения до нашего времени. Так же, как и другие его работы, она спровоцировала появление целой серии рецензий⁶. К концу своей научной карьеры

¹ Смирнов И.Н. О семейном быте пермяков // Изв. ОАИЭ. 1891. Т. 9. Вып. 3. С. 26–27; Он же. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Изв. ОАИЭ. 1891. Т. 9. Вып. 2.

² Смирнов И.Н. Пермяки // ЭО. 1891. Кн. 4. С. 203–207.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Харузин А.Н. Смирнов И.Н. Пермяки // Русская мысль. 1891. Май. С. 350–351; Долгоусов А. Пермяки.

И.Н. Смирнов стал крупнейшим знатоком финно-угорских народов в России. В 1891 г. за свои исследования он был избран членом-корреспондентом Финно-угорского общества в Гельсингфорсе¹. Его кончина была большой потерей для науки и вызвала многочисленные отклики².

После революции, в 1919 г., Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете активно обсуждало вопрос о переиздании монографий о восточных финнах И.Н. Смирнова, «*исходя из научной ценности его трудов*». С этой инициативой выступил известный исследователь культуры народов Поволжья профессор Н.В. Никольский. Возможно, что он в 1918 г. провел предварительные переговоры по этому вопросу с вдовой и дочкой И.Н. Смирнова, которые находились в это время Париже, и с его сыном, приват-доцентом Вал. Ив. Смирновым, которые выразили готовность предоставить обществу льготное право на переиздание его основных трудов. Совет ОАИЭ 9 февраля 1919 г. признал «*принципиально весьма желательным*» этот шаг и создал специальную комиссию для подготовки их к изданию. Так, для редактирования книги «Пермяки» было решено привлечь **В.П. Налимова**³. К сожалению, эта идея не была претворена в жизнь.

Историко-этнографический очерк И.Н. Смирнова // Нижегородские ГВ. 1891. № 25; *Дмитриев А.А.* Новый труд о пермяках (по поводу монографии Н.И. Смирнова «Пермяки») // Екатеринбургская неделя. 1891. № 25; *Н.Х. И.Н. Смирнов.* Историко-этнографические очерки // ЭО. 1896. Кн. 1. С. 155–160.

¹ Société Finno-Ougrienne. 1903 // JSFOu. 1904. S. 4.

² См.: *Корсаков Д.* И.Н. Смирнов (Некролог) // Учен. зап. Казан. ун-та. 1904. Кн. 9. С. 35–39; *Фирсов Н.Н., Корсаков Д.* И.Н. Смирнов (Некролог) // Там же. С. 40–45; Памяти И.Н. Смирнова // Там же. С. 52–55; *Хвостов М.М.* Памяти И.Н. Смирнова // Сборник памяти И.Н. Смирнова / под ред. А.С. Рождественского. Казань, 1904; *Кузнецов С.К.* И.Н. Смирнов (Умер 15 мая 1904 г. в Казани) // ЭО. 1904. № 2. С. 214–216; *Малашенко В.С.* Иван Николаевич Смирнов // Тр. ПУАК. 1906. Т. 9. С. 133–134; *Setälä E.H.* Ivan Nikolaevich Smirnov (1856–1904) // FUF. 1904. Bd. IV. S. 85–88.

³ Протоколы общих собраний и заседаний ОАИЭ за 1919 г. // Изв. ОАИЭ. 1920. Т. 30. Вып. 4. С. 14–15.

4.4. Исследования народов коми в Перми

Интерес к народам коми в Перми также был обусловлен прагматическими целями. Основная часть этнической территории коми-пермяков входила в состав Пермской губернии, и местная администрация нуждалась в определенной информации об этом народе. Сбор и публикация подобного материала принимали разные формы. Например, они обобщались в специальных сочинениях. Из подобных можно упомянуть «Хозяйственное описание Пермской губернии» **Н.С. Попова**, известного уральского бытописателя и краеведа, в которой имеется ряд этнографических сведений о коми-пермяках⁴. В нем представлены сведения о расселении пермяков, небольшой этнопсихологический очерк; обращается особенное внимание на то, что в отличие от местных русских, пермяки очень любят красный цвет, используя нитки этого цвета для украшения своей одежды. Н.С. Попов указывает растение, которое они используют для получения красной краски, — «*зеленики сыворочной травы, известной там под именем Марионы*». Дает небольшой обзор хозяйства пермяков. Большую ценность имеет его утверждение о том, что в Юрлинской волости проживают коми-пермяки. К настоящему времени в окрестностях этого села местное население считает себя русским, хотя топонимистический фон свидетельствует, что здесь проживали коми-пермяки. Фактически это единственный источник об имевшемся здесь коми-пермяцком населении. Н.С. Попов

⁴ *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах. Пермь, 1804. Ч. 1–2; *Он же.* Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного экономического общества, Высочайше одобренному и тщанием и иждивением онога общества изданное. СПб., 1811–1813. Ч. 1–3. О пермяках см.: Ч. 3. С. 61–67.